

София В. БАЦАНОВА¹
БГТУ им. В.Г. ШУХОВА
г. БЕЛГОРОД, РОССИЯ

СУБКУЛЬТУРА ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА – КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОГО ОБРАЗА ТЕЛЕСНОСТИ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ места телесности в системе субкультуры третьего возраста. Автор исследует основные компоненты субкультуры третьего возраста, её особенности, причины возникновения. Проблема конструирования телесности рассмотрена с точки зрения востребованности определенных типов телесности в современной культуре. Автор особо останавливается на новом феномене обнаженности в эстетике современной старости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Телесность, социальный конструкт, старость, третий возраст, обнаженность.

¹ Sophiko1881@yandex.ru

Рад је примљен 15. децембра 2015, а прихваћен за објављивање на састанку Редакције Зборника одржаном 22. августа 2016.

Представления о старости и возрасте в культуре носят мировоззренческий характер. Нет цифры, после которой человек становится стариком/старухой. Более того, граница такого статуса очень подвижна. Многие авторы, сопоставляя социокультурные обзоры старости, создают некую карту их изменений с античности до наших дней. В цивилизациях Древнего мира наиболее уважаемым периодом жизни человека была зрелость, понимаемая как максимальный расцвет сил, способностей, полезности для государства. Зрелый человек был учителем, передавал знания, умения, мастерство молодым. Несмотря на сакрализацию образа «старого вождя», необходимо отметить, что такой старец принимал активное участие в жизни сообщества, осуществлял функции жреца и военачальника, что его возраст был не многим более возраста зрелости. Библейские старцы – пророки, персонафицирующие общественную мудрость активны и деятельны. В Афинах в случае войны призывались граждане до 60 лет. Старец – это явление скорее исключительно, так как длительное время эпидемии, сепсис, санитарно-бытовые условия, приводили к высокой смертности среди населения, в том числе и молодого. Так по данным исторической демографии максимальный средний возраст был в Античной Греции в Классический период 44,1 лет, а в эпоху Возрождения в Англии 40 лет, между этими высокими точками мы видим продолжительность жизни в 25, 28 лет. Представления о старости все время претерпевали изменения, так как старость была понятием, характеризующим не возраст, а степень физической и социальной активности. Традиционное общество, не знавшее пенсий и социальных выплат, предполагало, что человек вовлечен в трудовую деятельность на протяжении всей своей жизни. А так как большинство людей не доживало до почтенного возраста старости, то представления о ней носили нечеткий характер. Поскольку количество прожитых лет начинает фиксироваться только в эпоху Нового времени, то в Средневековье люди имели только приблизительное представление о количестве прожитых лет, понятие старости носило скорее психологический, чем хронологический характер. Продолжая тему примеров, хочется сказать, что с помощью простых арифметических действий мы можем узнать, что сеньоре Капулетти 27 лет, и она почтенная дама с дочерью на выданье.

Психологическое восприятие старости связано с социальным возрастом человека, обусловленным нормами поведения индивида, характерными для данного общества. Сюда входят предпо-

лагаемый возраст вступления в брак, допустимый возраст родительства и прародительства, начала трудовой деятельности. Ю.А. Елисеева (Елисеева, 2007) предлагает понимать ментальный мир старости как систему прямо или косвенно связанных со старостью и старением представлений, формирующихся на индивидуальном и коллективном уровнях сознания. Таких представления можно структурировать по различным основаниям: степени детализации (представления о старости вообще, о различных аспектах старения (телесных и психических изменениях), о собственной старости), сравнительному контексту (старость-юность, старость – зрелость, старость – смерть), доминированию различных интеллектуальных форм, принятию/непринятию старости.

В традиционной культуре модель старости предстает как мудрость и носительница ценностей общества. Старость – это не только уход, конец, старость имеет большое культурное и социальное значение. Старики являлись носителями «ментального багажа», его хранителями и систематизаторами. В силу уже объективной их исключенности из активной трудовой деятельности, они становились трансляторами культурных, нравственных и семейных ценностей, передавая их следующему поколению. Вербальная передача опыта и знаний имела большое значение в традиционной культуре.

В XIX веке, когда продолжительность жизни начинает увеличиваться, происходит стремительный рост городов, все чаще многопоколенную семью заменяет нуклеарная, и место старости переосмысливается. С появлением пенсий для рабочих на рубеже XIX-XX веков становится возможным формирование новой модели старости, финансово независимой от молодого поколения, относительно свободной и располагающей свободным временем. Такой вариант, ранее доступный только обеспеченному классу, создал прецедент для конструирования новой модели старости. Становление индустриального общества ускорило общественный прогресс и качественные изменения общества, связанные с приумножением знания и приумножением различных видов социальной практики. Старость осмысливается по-новому, не просто как носительница определенной культурной информации, а как ценный отрезок жизни. К.Г. Юнг, говоря о старости, утверждал, что «вечер жизни» не может иметь ту же программу, что и её утро. Юнг отмечает, что подготовка в старости в большинстве культур связана с религией, которая наполняет

смыслом вторую половину жизни, создавая условия для саморазвития и самосовершенствования личности. Эвристические положения концепции Юнга можно свести к трем тезисам:

- старость – самостоятельный, уникальный период жизни, имеющий свои цели и ценности;
- подготовка к старости необходима, чтобы встретить её с достоинством и пониманием,
- старость – период обращения к своему Я, с целью его совершенствования.

В XX века помимо войн и революций человечество столкнулось с потребностью в качественно новом проживании старости. Развитие медицины замедлило процесс старения даже по сравнению с XIX веком. Роль старости, характерная для традиционного общества, уже не вписывалась в социальную реальность. Развитие пенсионной системы создало слой пенсионеров. Это новый социальный слой, свободный от трудовой деятельности, относительно материально независимый, оказался перед ранее неизвестными проблемами организации свободного времени, занятости, приложения физической и социальной активности. Традиционные роли воспитателей и хранителей памяти уже не были востребованы в той мере, в которой наполняли смыслом жизнь стариков ранее. XX век породил не только новый социальный слой, но и новую субкультуру, субкультуру третьего возраста.

Открытием стал факт того, что вступая в старость, сегодня полнокорректно называемую третьим возрастом, человек сохраняет те же потребности и желания, которые были у него в зрелости, и сопротивляется любым действиям, исключающим его из общества. Утрата привычных ролей при сохранении здоровья и социальных связей приводит к утрате смысла жизни и чувству собственной ненужности. Для сохранения самооценки и самосознания человек нуждается в новых посильных видах деятельности, приносящих моральное удовлетворение. Осознаваемая потребность в социальной и культурной активности стала основой для формирования одной из моделей современной старости.

Субкультура людей третьего возврата, по мнению А. Роуза, становится стержнем, объединяющим граждан пожилого возраста, создает особую близость между ними, но в то же время обособливает их от других возрастных групп. Такая культура значительно отличается от культур других возрастных групп.

Система норм, стереотипов и ценностей формируется в условиях ограниченности коммуникаций и общественных связей с другими социальными группами.

Субкультура – система ценностей, моделей поведения, жизненного стиля какой-либо социальной группы, представляющая собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры. Она возникает как позитивная или негативная реакция на господствующую в обществе культуру и социальную структуру среди различных социальных слоев и возрастных групп.

Современное общество социально неоднородно и дифференцировано, занятие индивидами различных позиций, статусов приводит к проблеме социального неравенства, одним из аспектов которого является социальная дискриминация. Дискриминация в обществе существует в разных проявлениях: по национальному, экономическому, гендерному признаку и т. д. В современном европейском обществе набирает силу ейджизм, проявляющийся в боязни старости, сознательном исключении её из круга социальных и культурных интересов. Существование субкультуры всегда возможно только в рамках материнской (базовой) культуры, которая и определяет иерархию субкультур, их место в обществе и регулирует их взаимодействие. Формирование и развитие возрастных субкультур предполагает наличие у них четких границ, критериев отбора представителей. В каждой из них существует система образов, отражающая отношение к представителям других субкультур, и паттернов поведения, формирующая образ «Мы». Вокруг собирательных образов «Мы» - «Они/Другие», формируется субкультурная картина. субкультурные интерпретации становятся важнее, чем общекультурные. Субкультурные идеализированные паттерны, выступающие как нормы поведения, идеализированные образцы, в то же время используются как традиционный способ регулирования социальных отношений, сохраняя ролевой баланс. Они эффективны, так как позволяют в чувственной форме, не прибегая к сложным интеллектуальным и идентификационным процессам, определить принадлежность к «Мы», подтвердить или восстановить групповой статус, используя известные паттерны, несущие символическую нагрузку.

Субкультурная норма выражает исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого поведения, деятельности индивидов одного и разных полов, соци-

альных групп. Норма – это социальные ожидания «правильного» поведения, оценки, обусловленных совокупностью культурных факторов, морально-этических требований, религиозных убеждений, преобладающих в конкретное время в определенной социальной группе и обществе в целом. Субкультура третьего возраста находится, на наш взгляд, в процессе становления. Старость в современном обществе переосмысливается. В постиндустриальном обществе проявляется новый аспект интереса к пожилым людям. Децентрализация культуры, мультикультуризм, внимание к социальным границам культуры, позволяют по-иному взглянуть на третий возраст, в не дихотомии цветение – увядание. Исследования в области возрастной психологии показали, что в этом возрасте личность продолжает развиваться, у нее появляются закономерные новообразования (мудрость), а потребности меняться.

Однако, несмотря на позитивные изменения в восприятии старости, отношение к ней в обществе неоднозначно. С одной стороны пожилой возраст может трактоваться как период свободы от профессиональной деятельности, время личностного роста, с другой старость – это период когда теряется одно из важнейших сокровищ современного человека – спортивное и подтянутое тело, на строительство которого потрачено множество сил и средств.

Тело для современного человека становится одним из краеугольных камней понимания окружающей действительности. Прогресс медицины и косметологии, изменение стандартов красоты, статуса инвалидов привели к новому пониманию тела не как физической оболочки, а как самостоятельного агента. Отношения к такому «телесному» повороту не может иметь однозначной положительной или отрицательной оценки. Европейская традиция приоритета духовного, внутреннего, индивидуального начала над телесным постепенно теряет свою актуальность. XX век открыл нового человека – человека созданного языком и сексуальностью, вышедшего за рамки табуирования, разрешившего себе быть одновременно природным наравне с интеллектуальным. Но осознание права на тело, доказательство его себе и обществу привели к соматизации или телоцентризму.

Определить однозначно место тела в современной европейской и российской культуре сложно: маятник понимания раскачивается от телоцентризма до понимания тела как физической

оболочки, в которой происходят физиологические процессы жизнеобеспечения. Несомненно, одно впервые со времен античности тело понимается как самостоятельная ценность, оно не греховно и вторично, тело – самостоятельная онтологическая единица. Тело осмысливается как часть европейской культуры, объект специальных практик и символическая структура.

Ключом к пониманию тела в современном обществе становится его трактовка как частной собственности личности. «Культурная» репрезентация тела делает его формой капитала, принадлежащего отдельному индивиду, оно актив, нуждающийся в постоянных инвестициях. Тело предстает как актив, требующий инвестиций. Анализируя современное информационное общество, Бодрийяр отмечает, что тело становится фетишем, окруженным заботой. Тело несет в себе новую семиотическую структуру, являясь при этом фундаментальным инструментом в проекте социализации субъекта.

Забота о себе в современной культуре становится большим, тело обретает самостоятельную ценность. Оно наделено неким магическим смыслом, связанным с «идеальным», «совершенным», «прекрасным», по Бодрийяру, мы производим, конструируем, трансформируем и увеличиваем наши тела, используя типично семиотические процедуры. Состояние нашего тела говорит о нас столько же, сколько и диплом, состояние банковского счета и место жительства. Тело, являющееся самостоятельным социальным капиталом, нуждается в постоянном поддержании его в форме, удовлетворяющей представлениям общества не столько об эстетической норме, сколько о социальном статусе и готовности к интенсивной и систематической работе.

Страх потери активности, красоты культурно и социально одобряемого тела приводит к созданию модели избегания старости. Геронтофобия стала такой же отличительной чертой времени, как и рост информационных технологий. В отличие от традиционной культуры сегодня старость ассоциируется не с мудростью и опытом, а с утратой. Аимриканская исследовательница С. Фол (Фол, 2009) называет старость одним из главных страхов современности наравне с ожирением и смертью. Старение противоречит основным парадигмам современной культуры, её понятиям и идеалам. Лозунг современности можно сформулировать как «Выглядеть на двадцать лет моложе». И выглядеть - это не только носить одежду, не отражающую возраст, но и иметь тело выглядящее моложе. Современное западное общество не прием-

лет старости, видя в ней нечто такое, чего «приличные люди» должны стесняться и, по возможности, скрывать от окружающих. Страх перед старостью и ее исключение из числа тем, допущенных «к широкому обсуждению» (то есть попадающих на телеэкран, на страницы газет и журналов, на радио, а не только в специальные научные и философские издания), вряд ли кто-нибудь будет оспаривать. Важно, однако, понять причины, по которым старость вызывает настороженное отношение не только со стороны молодежи и не «среднего возраста», но и у самих людей старшего возраста. Пожилые люди сегодня все чаще стыдятся своих лет, скрывают свой возраст. Старое тело лишено главной привлекательной черты – сексуальности. Достоинством становится не полученный в процессе жизни опыт, а то, насколько тело сохранено не просто здоровым в рамках возрастной нормы, но и насколько оно молодо относительно молодых.

Индустрия молодости не просто чрезвычайно доходна, но и включает в себя множество компонентов от недорогих кремов «от морщин» до пластических операций и комплексного омоложения. Но немаловажным аспектом формирования субкультуры молодого тела становятся преобразования и новые формы спортивной и социальной активности. В них тело не просто является важным компонентом, а становится главным действующим лицом. В него вкладывается столько же сил, сколько и в молодости, к нему предъявляются такие же критерии.

Успешное и правильное тело – залог мифических гармоничных отношений с миром, является прекрасно продаваемым товаром. Это отмечал в своей работе «Общество потребления» Ж. Бодрийяр «тело не существует для автономных целей субъекта, оно существует как реализация нормативного принципа наслаждения и гедонистической рентабельности, как принуждение к инструментальности, непосредственно индексируемо в соответствии с кодом и нормам и общества производства и регулируемого потребления» (Бодрийяр, 2006). Несоответствие тела заданному стандарту порождает чувства стыда за собственную несостоятельность, как личности. Неудовлетворенность образом собственного тела приводит к попытке его изменить.

Реальное, живое, возрастное тело, несущее на себе отпечаток прожитых лет, опыта, болезней не вписывается в современную телоцентрическую культуру. Понимание старой телесности как запущенной, неухоженной, лишенной целостности и ценности – приобретение современной культуры. Социальной и культурно

одобряемый внешний облик старости противоречит принятым ранее нормам. Принципиально новой чертой в облике тела пожилого человека становится обнаженность. В истории искусства изображение обнаженного немолодого тела встречается нечасто. Как правило, оно связано с необходимостью подчеркнуть нестандартность и особенность ситуации. Традиционно в изображении пожилого человека акцент делался на взгляде (прекрасные старики Рембранта и Тициана), руках, позе усталой, но не лишенной достоинства. Особая красота старости была сопряжена не с физической привлекательностью и сексапильностью, а с мудростью.

Сексапильная старость - это новая грань телесного конструкта. Необходимо отметить, что это не продолжение дискурса доступности плотских наслаждений третьем возрасте, а новый дискурс, предполагающий конкуренцию с молодыми. Телесный облик рассматривается с тех же позиций, что и телесный облик большинства 25, 30, 40, 50 летних. Провозглашенный Шерон Стоун лозунг «50 – это новые 30», выводит представление о теле на неизвестную ранее орбиту сознательного подчеркивания удовольствия от качества тела. Это не только обнаженные фотосессии самой Ш. Стоун, где она предстает перед зрителем в одних туфлях или колье, но и обсуждение их параллельно с возвратными заболеваниями актрисы, системой косметологических процедур, необходимых для поддержания формы.

Еще более ярким и дискутируемым стал набирающий популярность конкурс красоты среди бабушек в Бразилии, более откровенный чем большинство конкурсов красоты среди юных участниц. Участницы предстают перед судьями практически обнаженными, одетыми в условные купальники и представляющие на суд не просто красивое тело, а товарное, близкое к идеалу тело. Такое тело может быть предметом гордости женщин более молодого возраста. Возраст мудрости предстает как сочетание молодого и спортивного тела с социальным опытом и многогранностью жизни. Образ мягкой, уютной и вкусно пахнущей бабушки уходит в прошлое, перестает быть понятным и востребованным.

Представители третьего возраста становятся участниками модных проектов преображения, но и самостоятельно воплощают их в жизнь. На наших глазах в последние 10 лет формируется субкультура возрастного бодибилдинга, в которую входят не только люди, отдавшие этому виду спорта всю свою жизнь, но и

те, кто начал строительство тела после 60. Селфи седебородых рельефных мужчин, становятся частью популярной системы мотиваторов и демотиваторов. Участие участников в возрасте «55 +» перестало быть чем-то уникальным в медийных проектах по похудению.

Мысль о том, что строительство тела – это такой же бесконечный процесс, как и личностное самосовершенствование хорошо просматривается в оценке востребованных историй похудения и преодоления себя в пожилом возрасте. Так история 74 летнего американского врача Джеффри Лайф является едва ли не обязательным мотивационным материалом на сайтах, посвященных фитнесу и похудению.

В обществах боящихся смерти и лишнего веса, старость становится излишней трудностью, преодолеваемой путем приложения индивидуальных усилий и стараний. Рассмотрение репрезентации, понимания собственного тела, приводит к формированию моделей тела – «установок, схем интерпретации опыта и других элементов смысловой жизни, конструирующих укорененные в культуре способы воспроизведения телесности» (Куркин, 2011). Модели тела – это коллективные представления о теле, несущие на себе отпечаток эмоций сообщества, через них конструируется общение человека со своим телом.

Тело пожилого человека на социальном и на индивидуальном уровне рассматривается по-разному. Оно мыслится, а не переживается, человек стремится к формированию собственного тела в соответствии с нормами, приписываемыми обществом для него через модели, ранее не характерные для данной социальной группы. Отношение к собственному телу, характерное ранее только для молодежной и субкультуры, как к активу, имеющему конкурентную значимость.

Таким образом, в рамках третьего возраста телесность конструируется по модели, схожей с моделью, характерной для более молодого возраста. Рассматривая телесность, как проект, необходимо отметить, что, так как длительность его равна жизни, то на разных этапах цели, задачи и методы его реализации меняются вместе с жизненными целями, возможностями и представлениями о собственной субъективности. Станковская, характеризуя субъективное отношение к собственному телу, отмечает: «...недовольство собственным телом - это нормальная характеристика современного отношения к себе... Его масштаб может быть разным: от легкого недовольства до выраженных страда-

ний...» (Станковская, 2010). Такая позиция связана не только с возрастными или гендерными нормами неудовлетворенности собственным телом, но и с восприятием тела, как самостоятельного, отвлеченного явления, требующего постепенного вписывания в представление о собственном Я.

-
- ЛИТЕРАТУРА Бацанова, С.В. (2015). Протестная телесность. Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2015. № 4. с. 247.
- Бодрийяр, Ж. (2006). Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика.
- Елисеева, Ю. А. (2007). Ментальный мир возраста как культурная ценность. У: Ю. А. Елисеева (ур.), Человек в современных философских концепциях: материалы 4 междунар. конф., в 4 ч. (Т. 2., с. 636–640). Волгоград.
- Куркин Д. (2011). Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культуросоциологической перспективе анализа. *Социологическое обозрение*, Т. 10. No 1-2, с. 56-75.
- Лишаев С.А. (2008). Старое и ветхое. Опыт философского истолкования. М: Алетейя.
- Фол С. (2009). Эти странные американцы. М.: Эгмонд.
- Станковская Е.Б. (2010). Специфика современного отношения женщины к себе в аспекте телесности. *Вопросы гуманитарных наук*, N 5, с. 110–114.
- Hansen, M. H. (2006). *The Shotgun Method: The Demography of the Ancient Greek City-State Culture*. Columbia: University of Missouri Press.

SOPHIA V. BATSANOVA
BSTU „V. G. SHUKHOV”
BELGOROD, RUSSIA

SUMMARY

THE CONSTRUCTION OF A NEW IMAGE OF BODINESS
– THE SUBCULTURE OF THE THIRD-AGE

This article contains an analysis of the place of bodiness in the system of the third-age subculture. The author investigates the main components of the third-age subculture, her features and causes of her emergence. The problem of constructing of bodiness has been considered in terms of demand for certain types of bodiness in contemporary culture. The author especially stopped the attention on the new phenomenon of nakedness in aesthetics of contemporary oldness.

KEY WORDS: Bodiness, social construct, oldness, third age, nakedness.